

Вадим Курпичев

Бог по имени Джон

*Национализм запрещен. Европеизм запрещен.
Сионизм запрещен. Американизм запрещен.
Геоизм запрещен.
Нарушители караются пятилетним сроком
отчуждения от инфосферы.
Правила ЭКо*

— Мы одиноки во Вселенной.

Навигатор произнес эти слова, глядя на стенной экран рубки, на затянутую золотистыми облаками планету. Судя по интонации, он устал от бессмысленного спора. И так все ясно: предстоит очередная посадка — очередное разочарование.

— Не верю, — пробасил Художник, — а вдруг на Эпии преодолели Барьер Андра. Землянам ведь удалось.

— Чудом.

— Вдруг и Эпии повезло.

— Чудеса не повторяются. Будет, как везде. Планетный радиосум наши приборы засекали на расстоянии пятисот световых лет от Эпии. Когда до нее оставалось сто световых, уровень радиосумов резко снизился. Выходит: местная цивилизация еще существовала четыреста лет после изобретения радио, а это и так на сто лет больше, чем допускает Барьер Андра. Век уже прошел после того, как состоялись местные термоядерные похороны.

— А вдруг не состоялись? И эпиане что-то придумали и перепрыгнули проклятый барьер?

Навигатор поморщился. Хуже нет, чем спорить с дилетантами, не знакомыми с точными науками. Они неспособны обуздывать фантазию логикой и фактами.

— В последний раз, перед посадкой на Сармину-5, ты говорил то же самое.

— Да, я верю в человеческий разум...

Громкий хохот, молодой и безудержный, грянул за спинами спорящих. Он и Она, увлекшись ласками и забыв о том, что при посадке вес возвращается в полной мере, грохнулись с дивана. Хохот повторился. Поцелуи — не лучшие помощники в борьбе с гравитацией.

Влюбленные вернулись на диванчик, умудрившись при этом не прервать затяжной поцелуй. Экипаж корабля на милую возню не реагировал. Он. Она. Секстуристы, по последней моде рванувшие во Вселенную, дабы заниматься любовью на развалинах иных цивилизаций. Молодые особи без функции и профессии. Не до них.

Только старый Капитан обернулся, но ничего не сказал. Много плазмы улетело с той поры, когда к научным космическим экспедициям относились с почтением, а к высадкам на кислородные планеты готовились, как к бою. Другими стали звездолеты. Абордажные бригады исследовательских кораблей превратились в комфортабельные лайнеры, а в рубках звездолетов теперь стояли пуфики и цвели цветочки в горшочках.

Корабль скользнул по верхней кромке облаков и вошел в их золотую вату. Визоры сменили диапазон, и стенные экраны зазеленели. Звездолет летел над зеленым океаном Эпии. На горизонте горной стеной стояла суша. Ответы на все вопросы — там.

Впрочем, члены экипажа не сомневались: Навигатор, как всегда, прав, а Художник — нет. Барьер Андра непреодолим, и они сейчас увидят то, что не раз видели на других планетах. Разрушенные небоскребы, радиоактивные пепелища, отравленные реки. Банды, воюющие за остатки относительно чистых ресурсов. Обычная картина конца человеческой цивилизации, так и не преодолевшей Барьер Андра.

Андр. Когда этот малоизвестный при жизни мыслитель сочинил понятие «последнего барьера», назвав так разрыв между повсеместным распространением оружия массового поражения и неизжитой первобытной ненавистью в людских душах, никто его придумки не заметил. Мол, очередная эсхатологическая страшилка кабинетного работника. Ну, считает некий философ, что сочетание атомного оружия и идей ядерного суверенитета с фанатичными идеологиями обрекает любую технологическую цивилизацию на гибель — что с того? Стандартный способ привлечь к себе внимание, всего-то.

Вскоре Андра и вовсе забыли. Стартовала Эпоха Корректности, повсеместно утверждались ее Правила. Транснациональные компании вовремя поняли, что мировой порядок можно спасти лишь уничтожением абсолютных святынь, атомизацией общества, идеями интернетизма и интернетнационализма. Богатый Север с примкнувшими к нему постисламскими государствами заменил Третий Интернет на глобальную инфосферу и развязал последнюю мировую информационную войну. Земля превратилась в планету одиночек. Ликвидация святынь лишила экстремистов знамен, под которыми не страшно умирать и не стыдно убивать, а фанатик-одиночка — это уже проблема сержанта полиции, а не геополитики.

Вспомнили о философе, когда пришло время дальних космичес-

ких полетов и открытия кислородных планет, с остатками уничтоженных человеческих цивилизаций на них. Тогда и переименовали «последний барьер» в Барьер Андра. Работал он с четкостью гильотины. Прошло триста лет с появления радиовещания? Самоуничтожение. Три века научно-технического прогресса минуло? Пожалуйте на термоядерную казнь. Обычно крах наступал из-за конфликта циничных, богатых и прагматичных государств со странами бедными, несчастными и религиозно-фанатичными; иногда пытались с помощью термояда решать социальные или национальные конфликты, но всегда в основе самоуничтожения лежала первобытная ненависть к иному. Так что сто лет радиомолчания Эпии не оставляли никаких надежд на спасение здешнего мира.

Остался позади горный хребет, началась и закончилась желтая пауза пустыни, и на горизонте поднялись гигантским частоколом башни мегаполиса. Через несколько секунд Навигатор будет презрительно и молча торжествовать, глядя на очередные руины, а Художник резко поднимется, уйдет в свою каюту, схватит кисть и в бешенстве примется за работу, красками обиды и разочарования рисуя сказочное и прекрасное полотно.

Корабль сбросил скорость и высоту.

Слева по борту проплыла циклопических размеров башня, витая, как рог единорога. Своей верхушкой она упиралась в потолок из золотистых облаков. Следующие башни пусть и не превосходили размерами первую, зато не уступали ей в красоте.

Под кораблем серебром засверкала широкая река, за которой город продолжился. А потом был второй город, третий...

Члены экипажа и туристы глазам своим не верили.

Навигатор оказался не прав. Но ошибся и Художник. И у многих из тех, кто сейчас собрался в рубке корабля, мелькнула мысль, что загадку Эпии, которую она сейчас им задала, не удастся разгадать никому и никогда.

Христианство запрещено. Ислам запрещен. Иудаизм запрещен.

Индуизм запрещен. Буддизм запрещен.

Культ предков запрещен. Запрещены все мировые и национальные религии. Нарушители караются пятилетним сроком отлучения от инфосферы.

Правила ЭКо

Счет их шел на тысячи. Миллионы. Миллиарды.

Они валялись повсюду: на площадях и бульварах, в жилых помещениях и храмах, в подвалах и на крышах небоскребов, и даже в аллеях летучих садов. А когда они сталкивались друг с другом, раздавался звон, похожий на звон колокольчиков.

Сработаны были все прямоугольники из легкого серебристого металла, размеры их сторон лежали в пределах от одного метра до двух, и соотношение сторон всегда равнялось 0,63. Практически — золотое сечение.

Художник сразу назвал их «рамами».

Почему такое количество рам устилало планету? Что за «картины» в них красовались сто лет тому назад? Вразумительных ответов на эти вопросы за первую неделю работы экспедиции никто дать не смог, впрочем, как на тысячи других вопросов, да и на самый главный из них: куда подевались эпиане?

Винтообразные небоскребы стояли целые и невредимые. Вдоль океанских берегов простирались прекрасные, живописные города с белоснежными лайнерами у причалов. Но на всей планете не было ни одного жителя. Исход состоялся ровно сто лет тому назад и организован был образцово. Казалось, в считанные дни все эпиане погрузились в звездолеты и навеки сгнули в космических даях.

По утрам, как и прежде, на бульварах и улицах появлялись десятки тысяч роботов-уборщиков. По вечерам города вспыхивали миллионами разноцветных огней. Только никто не любовался этой красотой. Планета походила на жену звездолетчика: ждет она, ждет своего милого, а тот все не летит, то ли затерявшись среди звездных туманностей, то ли очаровавшись пленом неведомых миров.

Увы, исчезло не только население Эпии, не осталось на ней и никаких носителей информации. Библиотеки, инфотеки словно никогда и не существовали на Эпии. О местной цивилизации кое-что можно было узнать лишь по многочисленным фрескам на стенах зданий да по скульптурным композициям на городских площадях. Встречались фрески на бытовые темы, но в основном разрабатывались темы вечные, как молодость, любовь, зрелость, старость, смерть, причем для последней темы имелся жесткий канон: изображались мумии в голубых облаках.

Началась вторая неделя экспедиционной работы. Искали непустые рамы, инфотеки, а по вечерам спорили по поводу исхода.

Большинство гипотез разрабатывало тему кризиса и мегаугрозы. Эпиане могли улететь на планету с невыработанными ресурсами. Может быть, они смогли определить, что местное солнце находится на грани взрыва и превращения в сверхновую звезду. Мощное жесткое излучение, ударившее из центра галактики, также могло спровоцировать исход. Выдвигались и социальные версии. Мол, очутившись перед Барьером Андра, эпиане не стали вводить на планете Правила ЭКо, но, чтобы спастись от самоуничтожения, разделились на группы и нации, сели в звездолеты и разлетелись по разным планетам.

Самую «безумную» и кровожадную гипотезу придумал Навигатор. Он первым заметил в небе летающие на антигравитации сады, а от них просчитал следующую логическую цепочку. Землянам до сих пор не удалось раскрыть тайну гравитации, а, по мнению научного мира, именно в ней скрыт ключ к базовому секрету мироздания. Лишь овладев гравитацией, цивилизация получает статус сверхцивилизации.

А сверхцивилизация — это неизбежная гибель!

Во Вселенной очевиднейшим образом имеется абсолютный запрет на существование сверхцивилизаций, запрет куда более мощный, чем Барьер Андра. Доказательства? Пожалуйста. Возраст Вселенной — пятнадцать миллиардов лет. Первые цивилизации, а значит и сверхцивилизации, появились в центрах галактик около десяти миллиардов лет тому назад. Если бы не было абсолютного запрета — пусть и неизвестной нам природы — на существование сверхцивилизаций, то их звездолеты давно бы покорили всю Метагалактику и так бы и мелькали над Землей. Но мы их не видим. А первая же сверхцивилизация — эпианская, — с которой столкнулись земляне, судя по всему, просто самоуничтожилась. Серебристые рамы? Это индивидуальные крематории, ведь их количество того же порядка, что и бывшее население Эпии.

С Навигатором многие не соглашались, особенно горячо с ним спорили женщины, и только один человек молчал по поводу исхода.

Может быть, он ждал, когда найдется целая рама и все прояснится само собой.

До Художника, работавшего посреди аллеи, было еще далеко. Они в обнимку шли по мягким ковровым плитам. Золотые листья раскрытыми веерами опадали с густых крон и заметали серебристые прямоугольники. Просторная, высокая аллея выглядела одновременно и храмом, и дорогой к храму. Она шепнула:

— Тебе понравилось?

— Да. Спасибо. Все получилось замечательно.

— Мне тоже понравилось. Ну и фрески в здешних банях! Такую позу мы еще не пробовали. До чего додумались!

— Сверхцивилизация.

— Мне кажется, у нас получилось не хуже.

— Надо будет еще эпианские сексприспособления попробовать.

— Миленький, боюсь я их, они такие большие.

— Чего бояться? Мы осторожно. Давай сегодня ночью. Хорошо?

— Смотри, — Она решила сменить тему, — Художник сел отдохнуть. Пошли к нему, он интересно рассказывает. Тебе не хочется?

Она заглянула дружку в лицо и повторила утвердительно:

— Тебе не хочется. Из-за того, что он из бывших отчужденных?

— Не пойму я его.

— Я сама сначала побаивалась. Все-таки бывший отчужденный, да и взгляд у него иногда такой, будто он узнал о жизни что-то самое важное, чего мне никогда не понять.

— Еще бы. Пять лет без инфосферы.

— А я без нее на Земле и дня не проживу! Пошли, я умею разговаривать со старичками. — Она подмигнула, лукаво улыбнулась и потащила его позолотой аллее.

Звякнул колокольчик — Он споткнулся о серебристый прямоугольник, и Художник резко обернулся.

— Это вы?

На лице его мелькнула тень разочарования от обманутых ожиданий, а может быть, им так показалось.

— Кого-то ждешь? Мы помешали? — спросила Она.

— Нет-нет. Я рад. Минуту.

Он сделал несколько энергичных мазков, отступил на шаг и наклонил голову, оценивая результат, затем отложил кисть.

— Сегодня я натянул холст на прямоугольник. В нем особая энергетика. Уверен, сто лет назад в этих рамках были прекраснейшие картины. Мне увидеть хотя бы одну из них, и тогда я смогу разгадать загадку золотистого цвета. Видите, как им светится воздух? Он буквально пронизан золотыми искрами.

— Вижу, — не очень уверенно ответила Она, незаметно подмигнула дружку и самым невинным голоском пролепетала. — А Навигатор говорит, что в серебристых рамках были вовсе не картины, и живопись тут ни при чем.

— Навигатор мыслит по приборам, ему не вникнуть в местный колорит. Здесь жила цивилизация художников, кто бы еще мог построить такие башни и такие города. Это сама эстетика в камне.

— А куда делись эпиане? Навигатор...

— Навигатор ничего не понимает. Своими подходами к сверхцивилизации он напоминает мартышку, которая пытается понять логику человека. — Художник басовито хохотнул, на миг что-то его разве-

селило, и смех оборвался. — У эпиан иная логика. Совсем.

— И ты ее понимаешь?

— Кажется, да.

— И куда они улетели?

— Тс-с, — Художник приложил палец к губам, — тихо. Дело в том, что эпиане никуда не улетали. Я чувствую: они здесь, рядом. Однажды проснемся, а вокруг нас — бурлящие города. Навигатору этого не понять. И сама наша экспедиция бессмысленна, ей ничего не добиться. Мы ищем эпиан, а надо искать их душу, их искусство. Эх, мне бы найти один единственный здешний холст. Неужели среди миллиардов пустых рам мы не найдем хотя бы одну с картиной?

— А за что ты получил пять лет отчуждения? — в своей манере Она резко сменила тему разговора, но заставить врасплах Художника ей не удалось. Он посмотрел на нее грустными глазами и ответил вопросом:

— Хочешь знать?

— Да.

— За геоизм. Это слово тебе хоть что-нибудь говорит?

— Нет, но наверняка геоизм — это что-то ужасное, раз за него дают пять лет.

— Ты права. Геоизм — это... погоди.

Раздался звонок общего вызова. Связь была плохая, но голос Навигатора все узнали сразу.

— Всем, и в первую очередь — Художнику. Я нашел фрески с изображением не пустых рам. Похоже, это действительно картины, да еще прелюбопытные. Нашему Художнику понравится. Даю координаты...

Коммуникаторы определяли место, откуда приходит сигнал с точностью всего в сто метров, поэтому Он, Она и Художник внимательно слушали Навигатора. В его голос иногда прорывалась саркастическая хрипотца, а может быть, эфир шалил.

Туристы на своем двухместном мотозре прилетели первыми и сразу прошли в зал, где их встретил Навигатор. На громадной фреске были изображены эпиане со знакомыми серебристыми и на этот раз не пустыми рамами в руках.

Движение на фреске было организовано от центра, от стоящего там ясноликого юноши; именно от него во все стороны расходились улыбающиеся, счастливые эпиане, несущие большие картины в знаковых серебристых рамах.

Он и Она переглянулись, грянул молодой смех. На всех холстах, во весь их размер было изображено одно и то же — черный прямоугольник.

Смех стих. Вошел Художник. И когда все улетели на корабль, он еще долго стоял перед фреской, перед черными прямоугольниками, вглядываясь в их бездонную пустоту.

Бог запрещен. Разрешены только частные боги.

Правила ЭКо

— А я знаю, куда делись эпиане!

— Неужели?

Он попытался притянуть подружку к себе, но Она осторожно отстранилась.

Мимо ограды летучего сада, на газоне которого отдыхали моло-

дые туристы, проплыло золотое облачко, да так близко, что хотелось шагнуть на него. Солнце опускалось прямо на иглы витых башен. День катания на зеленом островке летучего сада заканчивался.

Убедившись, что атаки не последует, Она продолжила:

— Сегодня один из ученых сказал, что черные прямоугольники — это, наверное, пленочные экраны, мониторы эпианской инфосферы. Теперь понял, куда эпиане ушли?

— Нет.

— Да в свои экраны и ушли! Здорово я придумала? Что улыбаешься?

Он перевернулся на живот, сорвал травинку и, покусывая ее, принялся втолковывать:

— Во-первых, другие ученые уверены в том, что коммуникацию со здешней инфосферой обеспечивали золотые диски на висках эпиан. На фресках последнего периода не найти ни одного эпианина без такой золотой шайбочки на виске. Именно шайбочки служили им и коммуникаторами, и инфотеками, и порталами в инфосферу. Правда, кое-кто наверняка думает, что нависочные диски — всего лишь ювелирные украшения.

— Не делай из меня дуру, давай — «во-вторых».

— Пожалуйста. Над всеми этими уходами в виртуальные миры смеялись еще двести лет назад.

— Почему? В чем я не права?

— В главном. Куда делись сами экраны?

— Не знаю.

— В том-то и дело. Придумать уход в виртуалку легко, но где взять для нее надежный, стабильный материальный носитель? Природные процессы не годятся, а любой искусственный носитель информации требует обслуживания, ремонта, защиты. Кто этим будет заниматься, когда эпиане исчезли все.

Она ткнула его кулачком в ребра:

— С тобой не помечтаешь. Полетели к Художнику, узнаем, что он думает.

Работал Художник в своей любимой аллее. Колыхались полотнища золотистого света. Подкравшийся вечер подбрасывал грустные тени на холст.

— Знаю, — ответил Художник на ее вопрос, — сегодня я раскрыл секрет исхода и теперь точно знаю, что случилось с эпианами. А Навигатора не слушайте. Тоже мне сочинил: черные прямоугольники — индивидуальные крематории. Будто сверхцивилизация не может придумать что-нибудь поинтереснее самоуничтожения. Навигатор догадался бы посмотреть на прекрасную архитектуру Эпии, на ее устремленность к небесам, сравнил бы ее с коробчатой архитектурой Земли. По архитектуре ясно: эпиане не запретили себе решать вечные тайны, отвечать на предельные вопросы: есть ли бог, в чем смысл жизни, для чего создана Вселенная? На Эпии развивалась цивилизация художников, а цель художников одна — открыть калиточку в счастье. Теперь понятно, куда ушли эпиане? Это же так очевидно!

— Не совсем, — подал реплику Он, обозначив в уголке рта скептическую морщинку. — Сверхцивилизации появлялись на протяжении последних десяти миллиардов лет, а затем исчезали, не оставив следов. Что, все они ушли в одну калиточку? Хотел бы я на нее посмотреть.

Скрестив руки на груди и усилив в уголке рта скептическую черту, Он ждал ответа. Художник призадумался, сбросил пафос:

— Помните, я говорил вам о геоизме, за который получил срок? Гео — это Земля, изм — идея, учение, слово «геоизм» означает учение о братстве всех людей Земли. Сейчас такое трудно представить, но жили когда-то на Земле замечательные, великие люди, которые мечтали о всечеловеческом братстве, о том, что можно спасти мир не запретами, а единством. Это уже потом мы разбежались, отгородились стенами, чтобы не покусать друг друга, а раньше люди надеялись на общие идеалы, идеи.

— Идеалы, идеи — все это древний хлам, отвлекающий от дела и развлечений. Зачем они нужны? — спросил Он.

— В том же духе на суде высказался и обвинитель, после чего попросил дать мне за геоизм десять лет.

— Ужас, — искренне удивилась Она, — за такую чепуху!

— Я не хотел отречься, а таким полагается десятка.

— А как ты выкрутился на пять? — спросил Он.

— Адвокат помог. Частные боги не запрещены, вот он и посоветовал мне любимую идею заменить верой в частного бога, тем более, что выбранный мною бог был предтечей геоизма.

— Как зовут твоего бога, Художник?

— Джон.

Она хихикнула.

— Бог по имени Джон. Смешно.

— Да. Он жил в прошлые века и учил тому, что все люди — братья. Я молюсь его словами.

— А мне не нужен бог по имени Джон, я и так счастлива!

— У тебя в жизни все хорошо, а вот когда человек попадает в трудную ситуацию или стареет, кто его защитит, кроме бога?

— Ерунда какая! — выбежав на середину аллеи, Она взмахнула руками и закружилась под вечными золотыми кронами. — Просто не надо стареть! Я буду жить вечно! Навсегда останусь молодой! Зачем придумали старость? Какая глупость! Все зависит только от меня!

Подождав пока она накричится и нахохочется, Он спросил:

— Ты по-прежнему жалеешь, что твой геоизм запретили?

— Да. Мне кажется, составители Правил ЭКо могли бы сделать для него исключение.

— Вряд ли. Стоит разрешить одну идею, как тут же сторонники других с бомбами в руках бросятся доказывать, что их святыни не хуже.

— Но инфосфера — это фактически тот же геоизм, только виртуальный.

— Нет. Инфосфера — это союз не людей, а масок. В ней мне не приходится нюхать собеседника, а когда отключаю видео, я не вижу цвет его кожи, не чувствую его ауры. Но мы отвлеклись, ты обещал рассказать об исходе.

— Мы о нем и говорили, сейчас вы увидите, куда ведет калиточка эпиан. Смотрите, — Художник задрал голову и показал на полотнища золотистого света, играющие среди высоких крон, — эпиане там. В отличие от людей они не сбежали в себя, не опустились на четвереньки перед Барьером Андра, а с помощью черных прямоугольников стали светом и слились в световое эпианское человечество, единое и счастливое. Эпиане не улетели, они здесь, с нами...

Она внимала Художнику во все глаза. Он заскучал. Скептическая черта в уголке губ обозначилась резче. Почувствовав его настроение, Художник перевел стрелку:

— Хотите, я прочту стихотворение? Его написал мой бог Джон. Стихотворение удивительное.

Молодые люди переглянулись.

— Нет, — ответил Он, — мы вообще не любим стихи, все эти завывания. Спасибо.

Они ушли, а Художник еще с минуту размышлял о молодом человеке, о том, что презрение к миру есть отражение презрения к себе, и о том, что такое часто случается, когда у человека не хватает духу стать самим собой.

По дороге к мотоэру Она сказала:

— Все люди — братья, странная идея.

— Маразм старческий, жизнь — это борьба за деньги. Да и с какой стати мы должны тратить свои жизни на глупые мечты предков? Я это-го от своего папаша так нахлебался.

Ей хотелось возразить ему, прокричать, что на самом деле и Он, и Художник хотят по сути одного и того же, что они зря спорят, но слишком сильно бурлили в ней эмоции, и слишком мало Она знала слов, чтобы мысли могли прорваться через узкое горлышко ее словаря.

Она спросила:

— Тебе кто больше понравился — Навигатор или Художник?

— Навигатор. Тот не обманывает себя. Есть факт: сверхцивилизации не выживают, исчезают, гибнут, а все эти световые человечества — просто сказки. А тебе кто понравился?

— Не знаю, — соврала Она с готовностью любящей женщины.

Стемнело. Вечер перекрасил золото крон в свинец. В глубине улиц сгустились тени, и чудилось, что затаившиеся в тенях эпиане с неодобрением смотрят на чужую юность, так неосторожно вторгшуюся в неведомый ей мир.

*Атеизм запрещен. Теизм запрещен.
Деизм запрещен. Запрещены религиозные
и прочие мировоззрения, унижающие
роль человека или утверждающие
его случайность во Вселенной.
Нарушители караются пятилетним сроком
отчуждения от инфосферы.
Правила ЭКо*

Игровой квартал размерами не уступал небольшому земному городу. Он и Она в этом деле знали толк и сразу поняли, что натолкнутся на эпианский центр развлечений.

Огнедышащие драконы и чудовища — на фресках, в человеческий рост куклы магов и волшебниц — у входов в аттракционы, а еще лабиринты, пещеры, гирлянды, веселые чаши — все напоминало развлекательные парки Земли. Только игровой город был пуст и мертв. Ушедшая сверхцивилизация бросила его, как ребенок надоевшую куклу.

Оставив мотоэр у высохшего фонтана, молодые туристы отправились бродить кварталом. Заблудиться они не боялись — коммуникатор штука надежная.

Игровой городок был сказочно прекрасен. Каждая улочка открывала вид на необыкновенной красоты дворец, каждый поворот изумлял и обещал удивительную находку. Под ногами туристов звенели колокольчиками серебристые прямоугольники.

— Как их здесь много, — показала Она на очередную грудку пустых рам, — наши старички умничают, а окажется, что черный прямоугольник — всего лишь популярная эпианская игра. А вот сюда я точно никогда не войду!

Они остановились возле громадной драконьей башки, с широкой раскрытой пастью. Тройной ряд стальных зубищ оформлял вход в павильон.

Осторожно, стараясь не дотронуться до металла клыков, Он взглянул в эту гостеприимно распахнутую «дверь» и увидел ведущие вниз ступеньки.

— Там...

Она поспешила выдернуть его из драконьей пасти.

— Не надо. Жутковато мне. Гляди, как он глазами нас гипнотизирует, к себе в глотку заманивает.

— Ерунда, здесь уже сто лет ничего не работает.

— Я прошу тебя.

— Там, на полу — темное пятно, вдруг это черный прямоугольник. Представляешь?

— Еще бы! Навигатор говорил, что нашедших целый прямоугольник по главным каналам инфосферы покажут. Вот здорово было бы! А что? Я везучая.

— Заодно первыми во всем разберемся, надоели споры наших умников.

И Он исчез в пасти.

Она топнула ножкой. Прощлась в одну сторону, в другую. Подпрыгнула на месте. А затем, зачем-то опустившись на четвереньки, отправилась за своим дружком.

Стены подвала светили холодным голубоватым светом, поэтому еще с середины лестницы она увидела: это они. Целые и невредимые, без единой пылинки или крошки на поверхности, будто и не прошло сто лет. В их глубине клубился черный туман.

На полу лежали сразу два черных прямоугольника.

Она шагнула к их колодцам, и черный туман колыхнулся ей навстречу.

— Ничего не трогай, — голос его напрягся, — мы должны срочно доложить на корабль. Не нравятся мне эти черные дыры в рамах. — Он включил коммуникатор. — Капитан? У меня отличная новость. Как вы догадались? На этот раз не шучу. Мы нашли их. Да, черные прямоугольники. Да, целые. Их тут две штуки. Не тр-р-ро...

Он прыгнул, опоздал. Она успела коснуться пальчиком серебристой рамы, и сразу же тройной ряд стальных зубов над их головами с лязгом сошелся с таким же тройным рядом. Драконья пасть входа захлопнулась. Ловушка сработала. И в тот же миг раздался дикий визг — это Она заметила расположенную рядом с лестницей глубокую и плохо освещенную нишу и увидела в ней двух эпиан.

Он обнимал ее, поглаживал плечо и бессмысленными словами пытался остановить ее бесполезные слезы.

С момента, как захлопнулся вход, прошло минут двадцать. Коммуникаторы валялись у них под ногами — связь оборвалась вместе с

лязганьем драконных челюстей.

Если бы не этот проклятый, сочащийся сверху голубой газ...

— Самое главное: мы успели сообщить о прямоугольниках, наши координаты известны. Нас найдут, догадаются, что мы в ловушке, раз связь пропала. Нас обязательно спасут.

Он по-прежнему гладил ее плечо, шептал какие-то слова. Он лгал. И Она это знала. Координаты коммуникатора определяются с точностью до ста метров, а сто метров — слишком много для здешних лабиринтов. Да пока долетят. А голубой газ все сочится из потолка, уже трудно дышать, скоро воздуха в этом склепе вообще не будет.

Она подобрала коммуникатор, раз сорок подряд нажала «вызов» — бесполезно. В эфире тишина. Стены подземелья, сделанные из светящегося материала, фактурой схожего с бетоном и пластмассой одновременно, не пропускали радиоволны.

Брошенный коммуникатор скользнул по полу, как камешек по воде, и залетел в нишу с эпианскими мумиями. Оставалось ждать. Волшебной кнопки, которая бы открывала стальную тройную дверь, они не нашли. Кислорода в этом бункере оставалось, может быть, минут на двадцать. Слезы на ее щеках уже высохли, оставив ясно различимые дорожки. Лицо задервенело в маску.

Она высморкалась в мокрый от слез платочек, прижалась к плечу друга.

— Миленький, я не хочу умирать. Не хочу. Мы ведь не умрем? Не задохнемся? Миленький, придумай что-нибудь!

Он устало молчал.

— Что ты молчишь? Скажи что-нибудь.

Он хохотнул. Ему вдруг надоело врать, надоело бояться.

— Мы не задохнемся, это нам не угрожает. Видишь голубоватый газ под потолком? Чувствуешь сладкий запах? Теперь тебе ясно, что за голубые облака изображены на фресках с мумиями? Мы попали в камеру для мумификации. Мы останемся молодыми, как та парочка в нише. Навсегда.

— Я не хочу превращаться в мумию, я жить хочу, миленький.

— Чепуха. Если местные отсюда не смогли выбраться... заснуть, заснуть...

Он отвалился к стене и свернулся калачиком.

— Миленький!

— Отстань...

Ему хотелось смеяться, но сил не хватало. Как смешно она бежит на четвереньках. А черный прямоугольник оббежала — боится, глупая. Теперь-то чего бояться? И зачем тормозить несчастные мумии? Целуется она с ними, что ли? Все — чушь. Бегай на четвереньках — не бегай, беися головой об стенку — не беися, а конец один... смешная, стащила у мумии золотую побрякушку... в нос себе еще ее вдень... отстань, ну не надо меня целовать... не буди...

Видя, что поцелуи не помогают, Она стала хлестать его по щекам.

— Мы спасены!

— Сумасшедшая... отстань...

Злобно оттолкнув ее, Он забился под стенку, а Она вновь метнулась к мумиям и уже из последних сил подползла к своему другу. В руке Она держала золотую шайбочку, и точно такая же шайбочка сверкала у нее на виске.

— Дай приладить, диск все тебе объяснит, там картинки ярче, чем в инфосфере. Черный прямоугольник не экран, он...

— Убери эту гадость... я в голубых облаках...

Он пнул подружку ногой. Она не обратила внимания, достала крохотный флакончик и принялась духами натирать ему нос. Молодежные духи победили дурман сверхцивилизации: с лица соскользнуло блаженство, в глазах прорезалось сознание. Контрольной пощечиной закрепив его в реальности, Она зачестила:

— Мы спасемся, если ты согласишься. Эпия тоже уперлась в Барьер Андра, но не стала вводить Правила ЭКо, а пошла по пути сверхцивилизации: эпиане подобрали ключи к гравитации и тайне мироздания и научились создавать вселенные, а вселенных в мире без счету, как элементарных частиц. Эпия — гнездо, из которого эпиане разлетелись по миллиардам новых, удивительных миров, а черные прямоугольники — это и есть генераторы индивидуальных вселенных. Черный прямоугольник настраивается на личность входящего, создает для него идеальную вселенную и схлопывается в другие измерения. Каждый из нас получит свой самый счастливый мир, дивный, волшебный. Я задыхаюсь, миленький... не хочу превратиться в мумию, как эти двое... они были слишком счастливы здесь... а я жить хочу... с тобой, миленький... мы обязательно найдем друг друга и в иных мирах...

Он противно хохотнул:

— А я ничего не хочу. Зачем? Чтобы еще тысячу раз потрахаться? А эти... сверхчеловеки... разбежались по комфортным вселенным, как крысы... не хочу...

— Жить надо, миленький, жить! Дай я диск тебе...

— Да пошла ты, — то ли зарычав, то ли замычав, Он лягнул ее, попав по руке.

Золотая шайбочка покатила в сторону, а Он отполз и забился в дальний угол. Газ гуще задымил с потолка.

Она хотела заплакать, но не смогла. Слез не было, слов не было, только в душе закипала ярость.

*Нет истинных святых, которые бы
могли оправдать убийство человека.*

*Нет истинных святых, которые бы назначали
человека средством. Человек есть мера всех святых.*

Правила ЭКо

Вернувшаяся на Землю эпианская экспедиция и ее результаты стали сенсацией. Впервые за последние десятилетия факт прилета исследовательского корабля попал в топ-десятку новостей инфосферы.

Сенсацию произвели банные фрески эпиан и удивительные сексприспособления, на них изображенные. Необыкновенно простые и эффективные, эти приспособления революционно меняли всю технику секса, а в этой области ничего нового на Земле, казалось, уже никогда не появится.

Пресс-конференции и ток-шоу с участниками эпианской экспедиции транслировались в инфосфере непрерывно. На одном из таких мероприятий зашла речь и о непонятном, трагическом случае, имевшем место во время пребывания на Эпии.

История действительно звучала странно.

Двое молодых туристов сообщили по коммуникатору о находке

артефактов — черных прямоугольников. Затем связь оборвалась. После продолжительных поисков был обнаружен подвал, из которого поступил звонок, там же нашлись валявшиеся на полу коммуникаторы, две пустые рамы и мумии двух эпиан, юноши и девушки. Выходило, что каким-то непонятным образом черные прямоугольники превратили земных туристов в эпианские мумии.

На странный эпизод с двумя молодыми секстуристами никто не обратил внимания. Всех занимала главная тайна Эпии — исход. Эксперты и ученые, обсуждавшие исчезновение сверхцивилизации, сыпали версиями, сочиняли многочисленные, часто остроумные сценарии исхода, тут же сами их опровергали, чтобы через минуту предложить десятки и сотни новых гипотез.

В инфосфере прозвучали миллионы умных слов, а в итоге у многих зрителей возникло чувство, такую же смутную тревогу испытали члены экспедиции при посадке на Эпию — что самая главная тайна невесть куда сгинувших эпиан, тайна исхода, так и не будет раскрыта никогда.

Молитва Художника:

Вообрази, что навсегда потерял рай
 Это ведь легко
 И нет никакого ада
 Над нами только небо
 Вообрази всех людей
 Живущих ныне...

Вообрази, исчезли страны
 Это не трудно
 Не за что убивать или умирать
 И нет религий
 Вообрази, все люди
 Живут отныне мирно

Вообрази, нет барахла
 Мне интересно, сможешь ли?
 Нет в мире жадных и голодных
 Есть братство людей
 Вообрази всех людей
 И мир принадлежащий всем

Ты думаешь, я — мечтатель
 Но я такой не один
 И я надеюсь, когда-нибудь ты будешь с нами
 И мир станет един*

* Джон Леннон «Имэджин»

Об авторе

Вадим Владимирович Кирпичев родился 1954 году. Закончил Донецкий политехнический институт по специальности прикладная математика. С 1993 года живет в Москве. Пишет фантастику, научно-популярные статьи. Первая публикация в 1993 году в журнале «Химия и Жизнь». Публиковался в журналах «Искатель», «Пульс», «Cosmopolitan» и других. В журнале «Искатель» опубликованы повесть «Трудно быть Рэбой» (2004) и повесть «Пограничники Эфы» (2008). Автор двух книг, последняя - роман «Вечник», издательство «Эксмо» (2005).